

Глава 6

Староста переводил взгляд с Хуа Тинсюаня на Чу Даньфэна и, цокнув языком, изумленно произнес:

— Молодой господин, на вид вам едва ли исполнилось двадцать, а сынок-то уже вон какой большой.

Чу Даньфэн лишь улыбнулся в ответ, промолчав.

Среди простых смертных, не вставших на путь самосовершенствования, ранние браки были обычным делом, и жениться в четырнадцать-пятнадцать лет считалось в порядке вещей. К тому же этот маленький неблагодарный волчонок в прошлой жизни так жестоко его травил, а сейчас, глядя на этого мягкого, беспомощного карапуза — ведь в этой жизни тот еще ничего не успел натворить — Чу Даньфэн не мог заставить себя отомстить. Так что потешить самолюбие, примерив роль отца, было неплохой идеей.

Впрочем, упоминание ребенка действительно оказалось лучшим способом вызвать сочувствие. Староста в конце концов согласился, но напоследок трижды предостерег:

— После того как солнце скроется, господину следует сидеть в комнате тихо, как мышь, и ни в коем случае не выходить наружу.

Чу Даньфэн охотно пообещал соблюдать осторожность.

В ту же ночь староста устроил их в дом одной семьи. Ужин был самым скромным, но, закончив трапезу, Чу Даньфэн небрежно достал кусочек серебра и с широким жестом «одарил» хозяев. Селяне, трудясь в поте лица целый год, едва ли могли скопить хоть сколько-то меди, поэтому даже малая серебряная крупица была для них целым состоянием. Семья рассыпалась в благодарностях. Чу Даньфэн, лениво взмахнув веером, с живым интересом спросил:

— Староста говорил, что в деревне завелась нечисть, которая охотится на молодых парней. Звучит весьма любопытно, не расскажете подробнее?

Получив щедрую награду, люди были готовы выложить всё, что знали, и в красках расписали последние странные события.

— За два с лишним месяца пропали уже трое парней. А несколько дней назад охотники в горах нашли тела двоих... Господин, вы бы видели — они превратились в высохшие мумии! Жуткое зрелище! Только муж Ван Дэн остался — ни живого, ни мертвого не нашли. Но староста уже отправил весточку небожителям из секты Шуанцзи, просил прислать заклинателей, чтобы изловили чудище.

— Поэтому господину лучше завтра же спозаранку уезжать. Говорят, этот демон как раз любит таких видных парней, как вы, — высасывает из них жизненную энергию!

Однако Чу Даньфэн и слушать не хотел. То заявлял, что не верит в мистическую чушь, то с

азартом расспрашивал, как выглядят те самые небожители, и в конце концов твердо решил задержаться в деревне Персикового цвета на несколько дней.

Вылитый избалованный мажор, который не ведает страха и напрашивается на неприятности.

Но селяне, хоть и вздыхали, отпускать такого щедрого покровителя не спешили, поэтому выпроваживали его без особого рвения.

Тем вечером Чу Даньфэн снова лег в одну постель с Хуа Тинсюанем. Малыш забрался на деревянную кровать и с видом взрослого обеспокоенно спросил:

— Старший брат, у нас что, кончились деньги?

Духовные камни и мирские деньги можно было обменять по определенному курсу. Тот кусочек серебра, который он отдал, едва ли стоил одного низкосортного камня, и это были последние сбережения Чу Даньфэна.

Тот, однако, не придавал этому значения:

— Возможно, нам придется пробыть здесь до полнолуния, так что лучше потратить эти деньги сейчас, чтобы с комфортом переждать эти дни.

Еще на подходе к деревне он учуял мерзкий запах демонической ауры и примерно понял, с чем придется иметь дело. Видя, что маленький младший брат все еще хмурится, Чу Даньфэн ущипнул его за пухлую щечку:

— Не переживай, пока я рядом, голодным ты не останешься.

Малыш, чьи щеки при каждом движении принимали самые причудливые формы, пробормотал:

— Старший брат, а разве тебе не нужны камни для совершенствования?

Так называемые духовные камни были твердой валютой в мире заклинателей в основном потому, что содержали духовную энергию, необходимую для практики. В прошлой жизни Чу Даньфэн ставил совершенствование во главу угла, берег каждый камень и никогда не разбрасывался ими так бездумно.

Старший брат действительно сильно изменился.

— Да что толку от этого совершенствования, — беспечно отмахнулся Чу Даньфэн. Глядя на озабоченную мордашку ребенка, он не удержался и решил подшутить: — Ну же, назови меня папенькой.

Хуа Тинсюань:

— ???

Чу Даньфэн с самым серьезным видом принялся оправдывать свою выходку:

— Нам здесь еще несколько дней жить, назови разок, привыкнешь, главное — не выдать нас перед людьми.

Хуа Тинсюань:

— ...Не буду!

Благодаря щедрым чаевым и громким заявлениям о желании увидеть работу заклинателей, Чу Даньфэн успешно создал себе имидж недалекого богатого сынка. И хотя староста был категорически против, тот прилип как банный лист, и хозяева дома, где они остановились, тоже пошли навстречу: раз господин не брезгует убогой хижинкой, пусть живет.

Дни в деревне Персикового цвета текли для Чу Даньфэна легко и беззаботно, чего нельзя было сказать о Хуа Тинсюане. Мало того, что старший брат заставлял его называть себя папенькой, так еще приходилось наблюдать, как деревенские девицы и молодые невестки под любым предлогом приносят Чу Даньфэну свежие фрукты или сушеный батат.

Чу Даньфэн же, не имея сил отказаться от угощений, а заодно и не имея лишних денег на ответные подарки, каждый раз лишь улыбался и с поклоном благодарил, приводя женщин в полный восторг.

У них не было дурных мыслей — просто деревенские женщины редко видели столь нежного и статного красавца и хотели стать к нему чуточку ближе.

День за днем, и Хуа Тинсюань наконец не выдержал. В один из погожих дней, когда в поле было затишье, он подбежал к Чу Даньфэну и звонко крикнул:

— Папенька!

Чу Даньфэн замер, едва не выронив семечко лотоса. Этот сорванец же упирался до последнего, почему сегодня такой послушный? Он уже приготовился с важным видом ответить, как услышал звонкий детский голосок:

— Разве мама не запрещала тебе разговаривать с другими женщинами?

Чу Даньфэн:

— ?

Хуа Тинсюань обвел взглядом тут же наостривших уши селянок и продолжил обвинительным тоном:

— Ты опять за свое! Ты что, забыл, почему мама от тебя сбежала?!

Чу Даньфэн чуть не подавился свежим семечком лотоса и закашлялся так, что искры из глаз

полетели. В голове крутилось лишь одно: откуда он набрался этой дряни?!

Видя, что старший брат давится, Хуа Тинсюань поспешно принялся хлопать его по спине. Движение было инстинктивным, но со стороны выглядело иначе: какой же это почтительный и рассудительный ребенок, до слез жалко.

Вокруг слышался шепот:

— Неудивительно, что мальчик почти не зовет его отцом. Оказывается, тот довел жену до бегства, совсем стыд потерял.

— Чем красивее мужчина, тем меньше на него можно положиться.

— А по мне, этот господин какой-то придурковатый: только и знает, что гулять. Слышал, что в деревне опасно, а все равно решил остаться. А через пару дней полнолуние...

Заклинатели обладают острым слухом, и каждое слово отчетливо долетало до Чу Даньфэна, заставляя его глаз нервно дергаться.

— ...Где ты набрался этих гадостей? — прошептал он, потирая виски.

Хуа Тинсюань выпятил грудь и с невинным видом ответил:

— У тетушки Ван по соседству подслушал. Старший брат, похоже? Ты же велел мне учиться быть настоящим сыном, вот я и старался!

...И ты еще этим гордишься?

Чу Даньфэн не нашел, что ответить. Мальчишке всего пять лет, что с него взять? Ребенок не понимает, что говорит, ругать его было бессмысленно. Он лишь велел малышу больше не повторять чужие сплетни, и остаток дня они вдвоем просидели под цветущим персиком, молча луща семена лотоса.

Благодаря детской болтовне Хуа Тинсюаня, имидж «гуляки и подлеца» прочно закрепился за молодым господином Чу. Никто больше не носил ему угощения, и хотя рот остался без лакомств, уши наконец отдохнули от сплетен.

По мере приближения дня полнолуния жалобы селян становились все громче и невыносимее.

— Да придут ли уже эти небожители из секты Шуанцзи?

— Каждый год собирают с нас подношения, а как случилась беда — и след простыл. Больше всех жалко жену Ван Дэна, она днями напролет рыдает дома, семья в отчаянии... Столько времени прошло, от ее мужа, небось, одни кости остались!

Чу Даньфэн в такие моменты пытался оправдаться:

— Изгнание нечисти — дело непростое. Например, демонические лисы мастерски скрывают свою ауру, спешка тут не поможет, нужно ждать подходящего момента. К тому же эта тварь

совершает нападения лишь раз в месяц, время еще не вышло, возможно, муж Ван еще жив...

Но не успевал он закончить, как селяне с видом «не собираюсь спорить с дураком» разворачивались и уходили. И это еще в лучшем случае. Молодые парни могли и огрызнуться:

— Ты же сам говорил, что не веришь в духов! Оставь свои сказки, чтобы девиц охмурять, нам от тебя толку нет, белолицый ты бездельник!

...Ничего не поделаешь, образ недалекого богатого сынка въелся в сознание людей, да и парни, похоже, затаили обиду за то, что он съел все угощения, предназначенные девицам.

К счастью, через четыре или пять дней наступило полнолуние — та самая ночь, которой так ждал Чу Даньфэн.

В эту ночь он приглушил свою ауру, рано задул свечи, но спать не ложился, внимательно прислушиваясь к звукам снаружи.

Когда луна вошла в зенит, знакомый зловонный запах демонической ауры наконец появился. Чу Даньфэн почувствовал, как камень с души упал — все произошло именно так, как он и предполагал.

Однако, поскольку уровень силы демона оставался загадкой, он не стал терять бдительности. Велев ребенку сидеть в комнате и не высовываться, он установил защитный барьер и тихо вышел за дверь. Чу Даньфэн не знал, что стоило ему скрыться, как послушный мальчик тут же исчез из комнаты, а защитный барьер остался стоять нетронутым.

В эту ночь в деревне Персикового цвета было необычайно тихо, словно все жители погрузились в мертвый сон. Чу Даньфэн, сосредоточив духовную энергию, легкой походкой, почти не касаясь земли, направился на поиски источника ауры, сжимая в руке меч, извлеченный из мешочка-цзедзы.

И действительно, у высохшего колодца в центре деревни он увидел мерцающее синевато-белое свечение. Издалека оно походило на цветок сирени, озаренный лунным светом — невероятно красивое и притягательное зрелище.

Но стоило присмотреться, как по коже побежали мурашки. Никакой это был не цветок. Это был самый настоящий череп, испускавший зловещее призрачное сияние!

Фиолетовая лиса, увенчанная этим черепом, сложила передние лапы, как человек, и отвешивала поклоны полной луне. Самое странное было то, что при таких резких движениях череп на ее голове оставался неподвижным, словно прирос к шерсти.

Чу Даньфэн смотрел на эту жуткую сцену, и на душе стало спокойнее: «Лиса поклоняется луне» — стандартный трюк, ничего из ряда вон выходящего.